

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH
INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
URAL HISTORICAL JOURNAL

№ 4(45), 2014

BBK 63.3 (235.55)

U 68

UDK 94 (470.5)

Ural Historical Journal № 4 (45), 2014

Ekaterinburg

Published from 1994 r.

ISSN: 1728-9718 (Ural'skij istoriceski vestnik)

EAN-13: 9771728971668

Russian Press Catalogue "Russian Post" index — 72574

Academic publication of papers by the Russian and foreign historians, archaeologists and ethnologists. The publication covers research on the topical issues of the Russian history in the civilizational and geopolitical dynamics, theories and methods of historical and anthropological studies.

Editor

Andrei V. Golovnev

Editorial board

Victor S. Balakin, Andrei M. Belavin, Igor L. Zherebtsov, Alexey E. Zagrebin, Vladimir V. Zapariy, Vladimir N. Zemtsov, Konstantin I. Zubkov, Andrei S. Zuev, Vladimir A. Iljinykh, Nikolai N. Kradin, Gennady E. Kornilov, Ludmila N. Koryakova, Irina L. Mankova, Natalia V. Melnikova, Vadim S. Mosin, Elena V. Perevalova (secretary), Igor V. Poberezhnikov (deputy editor), Olga S. Porshneva, Sergey P. Postnikov, Dmitry A. Redin, Alexander S. Senyavsky, Elena K. Sozina, Andrei V. Speransky, Vladimir P. Timoshenko, Vladimir A. Shkerin, Alexander F. Shorin, Galina A. Yanovskaya

Editorial council

Evgeny T. Artemov (Russia), Leonid I. Borodkin (Russia), Zhang Guangxiang (China), Rudiger Krause (Germany), Paolo Chiozzi (Italy), Vladimir A. Lamin (Russia), Ketlijn Malfl iet (Belgium), Vyacheslav I. Molodin (Russia), Hiroshi Okuda (Japan), Gyula Szvák (Hungary), Charles Stepanoff (France), Valery A. Tishkov (Russia), Rolf Torstendahl (Sweden), William W. Fitzhugh (USA)

uralhist.uran.ru

UI_vestnik@mail.ru

ББК 63.3 (235.55)
У 68
УДК 94 (470.5)

Уральский исторический вестник № 4 (45), 2014

Екатеринбург

Выходит с 1994 г.

ISSN: 1728-9718 (Ural'skij istoriceski vestnik)

EAN-13: 9771728971668

Индекс по Каталогу российской прессы «Почта России» — 72574

Научное издание трудов российских и зарубежных историков, археологов и этнологов. Представляет актуальные проблемы истории России в цивилизационной и геополитической динамике, теории и методы исторического познания

Главный редактор

чл.-корр. РАН А. В. Головнёв

Редакционная коллегия

д.и.н. В. С. Балакин, д.и.н. А. М. Белавин, д.и.н. И. Л. Жеребцов, д.и.н. А. Е. Загребин, д.и.н. В. В. Запарий, д.и.н. В. Н. Земцов, к.и.н. К. И. Зубков, д.и.н. А. С. Зуев, д.и.н. В. А. Ильиных, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д.и.н. Г. Е. Корнилов, д.и.н. Л. Н. Корякова, к.и.н. И. Л. Манькова, к.и.н. Н. В. Мельникова, д.и.н. В. С. Мосин, к.и.н. Е. В. Перевалова (отв. секретарь), д.и.н. И. В. Побережников (зам. гл. редактора), д.и.н. О. С. Поршнева, д.и.н. С. П. Постников, д.и.н. Д. А. Редин, д.и.н. А. С. Сенявский, д.филол.н. Е. К. Созина, д.и.н. А. В. Сперанский, д.и.н. В. П. Тимошенко, д.и.н. В. А. Шкерин, д.и.н. А. Ф. Шорин, д.и.н. Г. А. Янковская

Редакционный совет

д.и.н. Е. Т. Артёмов, д.и.н. Л. И. Бородкин, проф. Чжан Гуансян (Китай), проф. Р. Краузе (Германия), проф. П. Кьоцци (Италия), чл.-корр. РАН В. А. Ламин, проф. К. Малфлиет (Бельгия), акад. РАН В. И. Молодин, проф. Х. Окуда (Япония), проф. Д. Свак (Венгрия), проф. Ш. Степановф (Франция), акад. РАН В. А. Тишков, проф. Р. Торстендаль (Швеция), проф. В. Фитцхью (США)

uralhist.uran.ru

UI_vestnik@mail.ru

CONTENTS

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

<i>M. V. Shisterov.</i> ...Breve et efficax per exempla: myth, memory, history	6
<i>A. V. Gladishev.</i> Cossacks in France in 1814: image and collective memory	15
<i>J. Hantraye.</i> Use of the image of cossack and the russians in France during the first restoration (1814–1815)	25
<i>A. A. Nechayeva.</i> Historic memory of Wales: problems of reconstruction of the national tradition	33
<i>O. S. Danilova.</i> Jules Legras: the russian soul genom	41
<i>J.-G. Talamoni.</i> “Memory competition” and its political meaning on Corsica (1914–2014)	50
<i>F. Münch.</i> “Alyosha” soviet soldier monuments in the post-communist space	60
<i>I. V. Griban.</i> “Split of memory”: soviet-germany relations 1939–1941 in modern ukrainian historiography	69

REGION IN COMPARATIVE DIMENSION

<i>V. V. Alexeyev.</i> The role of state in the regional modernization model of the Russian Empire.....	76
<i>Y. P. Bokarev.</i> Regional economic space of Russia: theory and historical practice	82
<i>Sergey V. Lyubichankovskiy.</i> Practice of official crime investigations in the late imperial Russia: regional-comparative retrospective analysis (Ural, Caucasus, Turkestan, Poland).....	93

HISTORIOGRAPHIC MOSAIC

<i>E. A. Igisheva, M. A. Klinova.</i> Economic ideas and behavioral strategies of the Soviet population during the new economic policy (nep) years: modern russian historiography	102
<i>N. N. Alevras.</i> Dissertation culture as an historiographic concept	111

PROJECTS

<i>A. V. Golovnev.</i> Migration, travel, and neo-nomadism	121
<i>A. E. Zagrebin.</i> “Forgotten texts” of V. N. Belitsker's expeditions to the udmurt	127
<i>V. A. Shkerin, I. V. Abramov, S. Yu. Belorussova, T. S. Kisser.</i> EthnoExpedition “Ural-2014”	132

RESEARCH

<i>G. A. Kruglikova.</i> XVIII All-Russian historical-pedagogical readings “Modern schoolbook of history: theoretical and methodological, substantial and methodical aspects”	138
<i>V. N. Zemtsov.</i> Postnikova A. A. Great Army of Napoleon on the Berezina: event — memory. SPb.: Humanitarian Academy, 2014. 239 p.: ill.	142

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

<i>М. В. Шистеров.</i> ...Breve et efficaх per exempla: миф, память, история	6
<i>А. В. Гладышев.</i> Казаки во Франции в 1814 г.: образ и коллективная память	15
<i>Ж. Антрэ.</i> Использование образа казака и русских во Франции во время Первой реставрации (1814–1815)	25
<i>А. А. Нечаева.</i> Историческая память Уэльса: проблемы конструирования национальной традиции.	33
<i>О. С. Данилова.</i> Жюль Легра: геном русской души	41
<i>Ж.-Г. Таламони.</i> «Соперничество памяти» и его политический смысл на Корсике (1914–2014)	50
<i>Ф. Мюниш.</i> «Алёша»: памятники советскому солдату на посткоммунистическом пространстве	60
<i>И. В. Грибан.</i> «Расколота память»: советско-германские отношения 1939–1941 гг. в историографии Украины	69

РЕГИОН В КОМПАРАТИВНОМ ИЗМЕРЕНИИ

<i>В. В. Алексеев.</i> Роль государства в региональной модели модернизации имперской России	76
<i>Ю. П. Бокарев.</i> Региональное экономическое пространство России: вопросы теории и исторической практики	82
<i>С. В. Любичанковский.</i> Практика расследования должностных преступлений в позднеимперской России: регионально-сравнительная ретроспектива (Урал, Кавказ, Туркестан, Польша)	93

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

<i>Е. А. Игшцева, М. А. Клинова.</i> Экономические представления и стратегии поведения советского населения в годы нэпа: современная отечественная историография	102
<i>Н. Н. Алеврас.</i> Диссертационная культура как историографический концепт.....	111

ПРОЕКТЫ

<i>А. В. Головнёв.</i> Кочевье, путешествие и нео-номадизм	121
<i>А. Е. Загребин.</i> «Забытые тексты» экспедиций В. Н. Белицер к удмуртам	127
<i>В. А. Шкерин, И. В. Абрамов, С. Ю. Белоруссова, Т. С. Киссер.</i> ЭтноЭкспедиция «Урал-2014»	132

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Г. А. Кругликова.</i> XVIII всероссийские историко-педагогические чтения. «Современный учебник по истории: теоретико-методологические, содержательные и методические аспекты»	138
<i>В. Н. Земцов, Постникова А. А.</i> Великая армия Наполеона на Березине: событие — память. СПб.: Гуманитарная Академия, 2014. 239 с.: ил.	142

Н. Н. Алеврас
**ДИССЕРТАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ***

УДК 930

ББК 63.1

В статье автор обосновывает введение в научный оборот концепта «диссертационная культура» и связанных с ним понятийных конструктов, таких как «статус диссертационного исследования», «диссертационная история». Понятийный ряд сопровождается авторскими интерпретациями смысла вводимых терминов и сути тех феноменов научной культуры, которые подвергаются процедуре дефиниции. Материал статьи основан на изучении особенностей развития отечественной исторической науки в середине XIX — начале XX вв. и опыта в области подготовки кадров высшей квалификации в университетах России и, в частности, создания квалификационных трудов в виде диссертаций с последующими процедурами их экспертизы и публичной защиты.

Ключевые слова: *диссертация, диссертационная история, научный статус диссертации, диссертационная культура, историография, сообщество ученых-историков, научная культура России середины XIX — начала XX вв.*

Наше внимание к той сфере деятельности ученых, результатом которой является диссертационное исследование, первоначально было обусловлено простым историографическим наблюдением, связанным с незаслуженным забвением целого ряда крупных работ дореволюционных историков, появившихся в качестве диссертаций. Например, при упоминании имени П. Н. Милюкова обычно называют созданные для широкой общественной аудитории «Очерки по истории русской культуры», а собственно научный труд «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», ставший магистерской диссертацией историка, остается в тени. Похожая ситуация сложилась и с наследием А. С. Лаппо-Данилевского: «Методология истории» сегодня известна широкому кругу историков, а магистерская диссертация «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований» — лишь узким специалистам. Между тем и тот и другой приобретали научно-исследовательский опыт и форми-

ровались как ученые благодаря этим трудам, проложившим путь к их дальнейшим исследованиям и идеям, а также определившим их научную карьеру. Обе диссертации ценны и как фундаментальные научные исследования, представившие разработку важнейших проблем истории России, которые и по сей день сохраняют актуальность. Злободневным вопросом остается научное переиздание многих диссертаций XIX в., являющихся достоянием национальной историографии. К тому же диссертация, обладая особым статусом, отражает некий набор принципиальных научных требований, предъявляемых историко-научной корпорацией к результатам профессиональной деятельности ученого, что позволяет использовать этот вид исследований для изучения системы научных ценностей, принятых научным сообществом той или иной эпохи.

В 1980–90-е гг. российские историки науки, библиографы и историографы обратились к такому аспекту интересующей нас проблемы, как история формирования ученых степеней и званий в России.¹ Однако непосредственный опыт создания системы подготовки претендентов «к профессорскому званию» и традиций, складывавшихся в этой области

*Алеврас Наталья Николаевна — д.и.н., профессор кафедры истории России Челябинского государственного университета
E-mail: vhist@mail.ru*

* Работа выполнена при поддержке Фонда перспективных научных исследований Челябинского государственного университета, проект № ФПНИ-06.6-24-14 «Экспертные функции научного сообщества в контексте национальной диссертационной культуры»

¹ См., например: Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983; Кричевский Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2. С. 141–153; Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917 г. М., 1994; Волобуев П. В. Рецензия: Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917 г. М.: Институт российской истории РАН, 1994. 196 с. // Вестн. Рос. акад. наук. 1996. Т. 66, № 3. С. 3–17.

в российских университетах с начала XIX в., являлся скорее фоном, чем исследовательской целью большинства работ. Факты защит диссертаций, характеристика диссертационных диспутов оказывались в большинстве случаев иллюстративным материалом, а не объектом специального изучения. Сама диссертация как один из важнейших результатов подготовки ученого высшей квалификации не подвергалась специальному анализу как некий феномен научной жизни сообщества ученых. Социокультурные аспекты проблемы, рассмотренные с позиций культурной истории, в то время были более характерны для исследований западных коллег.²

В отечественной историографии проблематика, которую мы связываем с явлением диссертационной культуры и пытаемся рассмотреть в историко-антропологическом ракурсе, начинает формироваться только в первые десятилетия XXI в.³

Подготовка диссертаций и их публичная защита в российской научной практике являлись процессами, открытыми для научной корпорации и общественной среды, а потому они были доступны для научной экспертизы и общественной оценки способностей соискателя, выступали в роли формы его научного и общественного признания, способа легитимации его институциональной принадлежности к миру науки. Соискатель на ученую степень, пройдя путь магистерской или докторской подготовки на основе соответствующих университетских уставов и специальных нормативных актов, после диссертационного диспута приобретал новый научный и карьерный статус. Таким образом, каждую историю создания диссертации, как и их совокупность, можно рассматривать в качестве неотъемлемого элемента жизни ученых в их

научной повседневности. Сами же диссертационные исследования, сопровождаемые критическими оценками современников, а впоследствии становящиеся частью национального научного наследия, выступают важнейшими фактами науки. Этим определяется общая значимость и актуальность предлагаемой проблематики.

Челябинские историографы с 2010 г. начали активную разработку этого направления применительно к опыту российского историко-научного сообщества, опубликовав на данный момент не менее трех десятков статей и выступлений на научных конференциях.⁴ В ходе исследовательской практики и презентации результатов проекта возникла необходимость выработки специальной терминологии, которая бы позволила выразить его концептуально-методологические основания и принципы. При этом базовым понятием стал конструкт «диссертационная культура».

Обобщая опыт, мы бы хотели сконцентрировать внимание исследователей на смысловом наполнении нескольких категорий, введенных нами в научный оборот в связи с изучением в истории исторической науки процессов создания и защиты диссертаций. Разработка проекта начиналась с исследования различных аспектов проблемы применительно к российской университетской культуре середины XIX — начала XX вв. В статье тоже будет использоваться фактический материал, относящийся преимущественно к этому периоду, хотя сегодня интересы нашего коллектива уже выходят в пространство истории советской историографии.⁵

² См.: Эммонс Т. Ключевский и его ученики // *Вопр. Истории*. 1990. № 10. С. 45–61; Бон Т. Русская историческая наука. Павел Николаевич Миллюков и Московская школа. СПб., 2005 (первое издание книги на нем. яз. вышло в 1998 г.); Сандерс Т. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи // *Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом*. М., 2012. С. 161–192 (впервые статья появилась на англ. яз. в 1999 г.).

³ См.: *Мир историка: историогр. сб.* Омск, 2010. Вып. 6. С. 9–232; Посохов С. И. «Считаю для себя неприличным...»: этические аспекты процесса защиты диссертаций в университетах Российской империи // *Харківський історіографічний збірник*. Харків, 2012. Вып. 11. С. 131–152; Вишленкова Е., Ильина К. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость // *Новое литературное обозрение*. 2013. 4. № 122. URL: <http://www.nlbooks.ru/node/3778> (дата обращения: 1.03.2014).

⁴ Ограничусь ссылкой на работы, которые положили начало разработке интересующей нас проблематики. См.: Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Диссертационная культура российских историков XIX — начала XX в.: замысел и источники исследовательского проекта // *Мир историка: историогр. сб.* Омск, 2010. Вып. 6. С. 9–21; Они же. Российская диссертационная культура XIX — начала XX веков в восприятии современников. К вопросу о национальных особенностях // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. М., 2011. Вып. 36. С. 221–247; Скворцов А. М. Подготовка и защита магистерских диссертаций в XIX в.: опыт учеников М. С. Куторги // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. СПб., 2010. Вып. 9. С. 451–468.

⁵ См.: Гришина Н. В. Историческая наука в первое десятилетие советской власти в самоощущениях отечественных гуманитариев // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2013. № 30 (321). С. 109–113; Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Диссертации историков и законодательные нормы (1860–1920-е гг.) // *Российская история*. 2014. № 2. С. 77–90; Гришина Н. В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // *Мир историка: историогр. сб.* Омск, 2014. Вып. 9. С. 122–145.

Понятийный конструкт «диссертационная культура» возникал и формулировался с учетом представлений о его сложносоставном характере, имеющем синтетическую природу. Сам феномен диссертационной культуры включает в себя весь событийный и смысловой спектр явлений, связанных с созданием диссертационных исследований, с возникновением целого комплекса диссертационных историй, разворачивающихся в контексте обстоятельств научной жизни нормативного и неформального происхождения, а также сопутствующих разнообразных научно-организационных и жизненных перипетий ученых. Но прежде чем сконцентрировать внимание на основном понятийном конструкте, остановимся на определении тех явлений, которые можно отнести к его генетической основе.

Главным элементом диссертационной культуры как системного явления, несомненно, является диссертация. Этот, казалось бы, хорошо известный каждому современному ученому вид научно-квалификационного исследования сам по себе, возможно, и не требует каких-то специальных определений, но следует обратить внимание на значимость выявления черт его *особого статуса* в системе иных разновидностей научных произведений ученых. Акцентуация этого момента дает возможность определить место диссертаций в научной деятельности ученых и выработать некую методику их анализа как объектов исследования применительно к истории науки. Длительность существования традиций создания диссертаций и способов их экспертизы по образцам и алгоритмам, заложенным еще в российской исторической науке середины XIX — начала XX вв., обуславливает целесообразность представления определения-характеристики статуса диссертации, приемлемого для любого этапа развития национальной историографии. В дефинициях, приведенных в данной статье, будем придерживаться этого принципа.

Под *статусом диссертации* понимаются ее особенности, обусловленные специфической ролью квалификационного исследования, которое, будучи успешно защищенным, определяет место автора диссертации в иерархии ученых степеней и штатов профессорско-преподавательского состава университетов. Статусные особенности диссертации складываются на основе как нормативных установлений, так и неформальных предписаний корпо-

ративного сообщества, выполнение которых обеспечивают контролируемые им процедуры подготовки, научной экспертизы и публичной защиты диссертации ученого.

Данная характеристика акцентирует внимание на том факте, что диссертационные исследования, выполняющие специфическую функцию в системе организации науки, относятся к особой видовой группе научных трудов ученых. Именно диссертация, будучи генетически связанной с научными нормами того или иного сообщества ученых, наиболее концентрированно воплощает в своих ценностных ориентациях, методологических принципах, проблемно-тематическом выборе, концептуальном замысле *некий образец (эталон) научного исследования*, принятый профессиональной средой того или иного исторического периода. Поэтому этот вид научно-исследовательского продукта может служить своеобразным индикатором не только способностей и научного мастерства автора, но и выработанных в определенную эпоху представлений сообщества ученых о принципах и характере научности исследований и о дисциплинарных ценностях той или иной научной области.

Вместе с тем совокупность требований к диссертациям, складывавшихся на различных этапах истории науки в среде научной корпорации, общественности, власти и самих диссертантов, формирует несовпадающие, различные основы мотиваций к их созданию со стороны соискателей ученых степеней. Именно поэтому изменение во времени облика диссертации и трансформация системы корпоративно-профессиональных требований к структуризации ее материала, методологическому оснащению, качеству содержания и пр. составляют особый аспект в предметном поле диссертационной проблематики.

Замечу попутно, что представленное суждение о статусе и видовых особенностях диссертации как особого научного труда находится в некотором противоречии с распространенными утверждениями о том, что всю совокупность научных произведений ученых можно рассматривать как единую видовую группу, именуемую «историографическими источниками». На мой взгляд, если пользоваться понятием «историографический источник», то следует иметь в виду его видовое разнообразие. Монография, статья, тезисы, очерк, доклад, рецензия и прочие виды

научных произведений подчинены несовпадающим целевым установкам автора, которые формируются и регулируются статусными свойствами различных научных жанров. В основе видовой специфики научно-исследовательских произведений лежат различающиеся функции того или иного научного жанра. Таким образом для каждого вида научных произведений следует выработать методику изучения, соответствующую выявленным видовым свойствам, что справедливо и для историографического анализа диссертационных исследований.

Как известно, публичная презентация диссертации, как магистерской/кандидатской, так и докторской, является результатом многоактного процесса, включающего различные стадии движения соискателя к диспуту/защите. Поэтому мы вводим понятие «диссертационная история».

Под *диссертационной историей* понимается совокупность выявленных фактов историографического быта, позволяющих реконструировать процесс создания диссертации от ее замысла до защиты и присуждения ее автору соответствующей ученой степени.

Применительно к дореволюционным практикам защит магистерских диссертаций имеется в виду отрезок научной биографии соискателя, длящийся от момента закрепления его за соответствующей университетской кафедрой в целях «получения профессорского звания», когда он фактически приобретает статус магистранта и начинает работу над диссертацией, до одобрения факультетом текста диссертации и успешного диссертационного диспута. В этом промежутке в жизни магистранта происходят различные события, приближающие его к защите диссертации и формирующие начало его профессиональной карьеры. Это и магистерские экзамены, и чтение «пробных» лекций для получения должности приват-доцента (по уставу 1884 г.), и создание текста диссертации, что к тому же нередко сопровождалось преподавательской деятельностью соискателя в различных учебных заведениях. Поэтому этот значимый для интеллектуальной биографии ученого отрезок жизни бывал довольно длительным: например, у В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова работа над созданием магистерских диссертаций заняла 6 лет. Магистерский этап биографии соискателя тесно связан с системой схолярных коммуникаций, что существенным

образом влияет на характер диссертационной культуры: ее основы формируются в системе «учительско-ученических» взаимоотношений; в целом же она может рассматриваться как существенная часть профессиональной субкультуры ученых — профессорской культуры. Например, В. П. Корзун прямо сопрягает характеристику профессорской культуры с практиками защит диссертаций и системой ученых степеней и званий.⁶

Работа над докторской диссертацией, начиная с действия университетского устава 1863 г., была обставлена несколько меньшим в сравнении с требованиями к магистерской диссертации количеством обязательных отчетно-экспертных элементов. В частности, для представителей этой категории соискателей были отменены ранее установленные докторские экзамены, к тому же претенденты на докторство работали над диссертациями самостоятельно. Однако научно-исследовательские задачи, самоконтроль, высокая планка самокритических оценок многих из них были ориентированы на создание фундаментального и высококлассного научного труда, поэтому для завершения замыслов докторских диссертаций нередко требовалось еще больше времени. Так, на создание докторских диссертаций у таких известных ученых, как В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов, ушло 10 лет. Лаконичное описание особенностей магистерского и докторского отрезков биографии ученого-историка дореволюционного времени позволяет еще раз подчеркнуть, что современная диссертационная система, существующая в российской практике с середины 1930-х гг.,⁷ во многом основывается на соответствующем опыте наших предшественников второй половины XIX — начала XX вв.

Кульминационным событием диссертационной истории, несомненно, являлся диссертационный диспут, в советской и современной российской практике бытующий под обозначением «защита диссертации». Именно диссертационный диспут, хотя и имевший

⁶ См.: Корзун В. П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестн. ЧелГУ. История. 2012. Вып. 51. С. 102; Корзун В. П., Сидорякина Т. А. К проблеме трансформации «профессорской культуры» // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2009. № 1 (27). С. 67–75.

⁷ См., например: Козлова Л. А. «Без защиты диссертации...»: Статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj2-01koz.html> (дата обращения: 1.03.2014).

некоторую «сценарную режиссуру», идущую от нормативных положений министерских документов, дополнялся различными ритуалами и традициями его проведения, возникшими в научном сообществе на неформальной основе, а потому он превращался в своеобразный научный «спектакль». Основной его тон и коллизию задавали оппоненты (в дореволюционных университетах по традиции, идущей еще от диссертационных практик первой половины XIX в., их нередко называли «возражателями»). Диспут, как правило, привлекал немало «зрителей» и превращался в факт культурной жизни не только университета, но и университетского города, получая отражение в периодической печати и возбуждая внимание общественности. Не случайно американский историк Т. Сандерс, обращаясь к близкой для нас теме — защите диссертации, — использует понятие «институт диспута» и одновременно подчеркивает его значение как «культурного института».⁸

Диссертационный диспут заложил основу создания диссертационных текстов «малых форм», сопровождавших защиту соискателя. Среди них особое значение имеет речь диссертанта перед аудиторией, в которой он публично выражал свой научный замысел. Характер выступления диссертанта и степень его интеллектуального воздействия на аудиторию во многом определяли в научной и общественной среде оценку как самой диссертации, так и достоинств и слабостей ее автора. Роль информационного расширения сведений об идеях диспутанта выполняли и печатные листки с тезисами, явившиеся прообразом современного автореферата. Текст выступления диссертанта в рамках диспута нередко дает возможность существенно уточнить систему его идей и научно-методологических принципов. Практика прижизненной публикации речей диспутантов усиливает их значение как аутентичных источников, а также значение и самих диссертаций как феноменов научной культуры и источников по ее изучению.⁹

Фиксируя длительность процесса движения к защите диссертации, особо подчеркнем важную роль в нем профессоров, возглавлявших кафедры и игравших роль «учителей»

подопечных магистрантов. Учителя и ученики, связанные схолярными коммуникациями, демонстрировали на диспутах итоги своего научного взаимодействия, особенно если учесть, что нормативные документы не запрещали выступать в качестве оппонентов не только профессору кафедры, являвшемуся руководителем соискателя, но и магистрантам, еще не имевшим ученых степеней. В этом отношении, например, интересно смотреть в роли оппонентов представители схолярной культуры в лице В. О. Ключевского и его учеников.¹⁰ После защиты своих диссертаций ученики-магистранты становились частью научного сообщества и преподавательской среды; теперь они и сами могли претендовать на роль «учителей». Активное участие в оппонировании диссертаций не только профессоров, но и их еще не защитившихся учеников являлось своеобразной формой развития в научной молодежи одного из важнейших элементов профессорской культуры — способности критически воспринимать и оценивать результаты научных исследований.

Соискатели на докторскую степень в случае успешной защиты существенно повышали свой институциональный статус: докторская диссертация, становясь основой их научного и институционального капитала, определяла их новое место в иерархии научной корпорации, нередко легитимируя их положение в качестве профессоров кафедр, подтвердивших эту должность докторством,¹¹ и полноправных руководителей магистрантов. Несомненно, новый статус существенно улучшал материальное положение, что являлось важным мотивационным посылом к защите докторской диссертации.

Длительность процесса, связанного с созданием диссертации, формирование специальной нормативной базы для процедур продвижения диссертанта к намеченной цели, выработка научных и социокультурных практик в процедуре защиты диссертации позволяют говорить о существовании развитой системы и культуры организации подготовки специали-

⁸ См.: Сандерс Т. Указ. соч. С. 162, 167, 168.

⁹ См.: Алеврас Н. Н. Диссертационная культура второй половины XIX — начала XX в.: речь историка на защите диссертации // Изв. УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105). С. 276–286.

¹⁰ См.: Бон Т. М. Указ. соч. С. 102; Гришина Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010. С. 254–258.

¹¹ Имеется в виду ряд ситуаций, в которых во главе исторических кафедр Московского и Петербургского университетов определенное время стояли лица, еще не защитившие докторские диссертации. В их числе можно назвать несколько знаменитых историков — С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова.

стов высшей квалификации в университетах дореволюционной России. Наиболее зрелые формы эта система подготовки приобрела в условиях действия пореформенных университетских уставов 1863 и 1884 гг. Их содержание и нормативные документы, развивающие их положения относительно правил подготовки претендентов к получению ученых степеней, богатый опыт реализации этих положений позволяют говорить о сложившейся диссертационной культуре в дореволюционных российских университетах. Подтверждением этому может служить факт преемственности и сохранения в СССР и в современной России многих элементов данной научной традиции. Нами предлагается следующее ее определение.

Под *диссертационной культурой* понимается совокупность организационно-нормативных процедур, традиций и ритуалов, осуществляемых научно-образовательными институциями, экспертным сообществом и заинтересованными претендентами на достижение научного статуса, направленных на получение научно-исследовательского продукта (произведения), соответствующего принятым квалификационным требованиям и нормам профессиональной сертификации.

Это понятие, в его краткой дефиниции, включает весь спектр явлений, связанных с движением соискателя к защите диссертации. Оно может быть применено к любому периоду истории исторической науки, начиная с опыта реализации первого университетского устава (1804) и специального положения (1819), которое определяло условия получения ученых степеней.

Отмечу, что нередко при использовании понятия «диссертационная культура», нами одновременно применяется и понятие «диссертационная система». В этом случае имеются в виду две функционально сопряженные характеристики этого явления. Системный ракурс определяет в нем институционально-нормативные основы подготовки специалистов высшей квалификации, нацеленной на создание и защиту квалификационного сочинения для получения ученого звания. В этом смысле это явление структурируется в виде взаимосвязанных элементов: правовой базы, институтов магистратуры и докторантуры, университетских кафедр, подготавливающих претендентов на «профессорское звание», компонентов процедур защиты и экспертизы

диссертации и пр. Понятие «диссертационная система» акцентирует внимание на институциональной природе явления.

Но одновременно эта структура выступает и как культурный феномен науки, организуя научно-педагогическое пространство посредством созидательных усилий его активистов, формирующих традиции, ритуалы, обычаи, практики подготовки и презентаций диссертационной продукции, и определяя специфику взаимоотношений различных представителей научной среды, включенных в это пространство. В совокупности весь спектр характеристик и форм научной повседневности ученых, которые вписываются в пространство диссертационной культуры, содействует выработке ценностных критериев для определения уровня научных достижений претендентов на ученое звание и качества результатов их научно-исследовательской деятельности. В этом же пространстве, как уже замечено выше, реализуется коммуникация «учитель — ученик», демонстрирующая органичную связь диссертационной культуры с явлением научных школ и иными сторонами историографического процесса, другими словами — создается «культурный капитал» научного сообщества.

Важным аспектом в изучении диссертационной культуры является выработка методов анализа диссертации как научного произведения особого статуса. Ясно, что, обращаясь, например, к комплексу защищенных историками в XIX — начале XX вв. диссертаций, которые, по нашим подсчетам, составляют в общей сложности 180 магистерских и 95 докторских исследований,¹² мы сталкиваемся с вопросом о способах их изучения с учетом видовой специфики. Полагаю, что на первом плане встает вопрос о вычленении в тексте диссертаций неких смысловых единиц, которые являются носителями сугубо научных элементов диссертационного исследования, отличающих его от трудов, популяризирующих историю или выполняющих учебно-просветительскую функцию. Немаловажно выявить те структурные элементы исследования, которые организуют научный текст, осуществляют постановку научных задач и демонстрируют систему и принципы научной аргументации, а также методы достижения и фиксации новых

¹² Более подробно об этом см.: Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Российская диссертационная культура XIX — начала XX веков в восприятии современников. С. 226–228.

знаний, полученных автором в соответствии с задачами его диссертации.

Следует учитывать, что привычный для нас облик современного диссертационного исследования с обязательными элементами и четкой шаблонной структурой сложился далеко не сразу. Истоки его, вероятно, надо искать уже в XX в., и это перспективная задача, которая может отдельно решаться в рамках изучения диссертационной культуры на различных этапах развития советской и современной российской науки.

В дореволюционной же традиции отсутствовали какие-либо нормативные требования к принципам организации текста и к структуре содержания диссертации. Ни университетские уставы, ни специальные положения, определявшие некоторые правила организации работы над диссертацией и ее презентации, не устанавливали каких-либо нормативов, стандартов и шаблонов в отношении ее текста. Лишь практический исследовательский опыт становился основой появления неких прообразов тех или иных обязательных элементов структуризации и организации текста диссертации. Но до конца дореволюционной эпохи ее композиция и содержательное наполнение оставались прерогативой самого автора. Обратимся к опыту С. М. Соловьева. Создавая в 1845 г. свою магистерскую диссертацию¹³ (она была написана на основе устава 1835 г. и положения об ученых степенях 1844 г.¹⁴), он еще не решал специальной задачи структурировать ее текст при помощи рубрик в соответствии с тематическими сюжетами. Эта диссертация не снабжена и привычным для более позднего времени оглавлением и, казалось бы, не имеет специальных вводных частей, которые бы сообщили читателю замысел и задачи изучения проблемы.

¹³ Соловьев С. М. Об отношении Новгорода к Великим князьям: историческое исследование. М., 1846. (После защиты диссертация переиздавалась.) Выбор для анализа диссертации С. М. Соловьева не случаен. На мой взгляд, его диссертационный труд провел своеобразную демаркационную черту между научным исследованием и любым другим историческим произведением реферативного характера. В связи с этим магистерская, а также вскоре защищенная докторская диссертация (1847) положили начало формированию сугубо научных подходов и принципов создания диссертационных исследований в российской науке. Но нельзя не заметить, что магистерская диссертация историка обойдена вниманием ученых: она не вошла в состав последнего издания сочинений С. М. Соловьева и редко становится специальным предметом исследования.

¹⁴ См.: Положение о производстве в ученые степени: Высочайшее повеление от 6 апреля 1844 г. // ЖМНП. Ч. 42. СПб., 1844. С. 179–190.

Без всякого видимого предисловия С. М. Соловьев с первых предложений диссертационного сочинения приступил к изложению истории вопроса. Более того, текст начинается сразу с цитации источника — Софийского временника, — призванного подчеркнуть различие исторических судеб Великого Новгорода и Москвы.

Однако при внимательном изучении текста вполне улавливается авторская позиция: постановочные аспекты, методологические посылы и источниковедческие принципы диссертации автор излагает в разных частях текста, исходя из логики сюжетных линий, а потому их следует специально выявлять из контекста.

Объем статьи не позволяет детально погрузиться в анализ диссертации С. М. Соловьева. Ограничимся некоторыми наблюдениями. Комплекс авторских задач выстраивался на убеждении Соловьева в необходимости поиска самобытности новгородской истории, отличной от московской. На противопоставлении традиций этих двух исторических локусов и выстроен текст диссертации. Самобытной чертой новгородской истории Соловьев считал формирование древней, исходящей из системы «родовых» отношений, вечевой традиции. Поэтому, например, первый комплекс задач формулируется после обращения к летописным источникам и фиксации этого факта. Он выражен лаконичной фразой: «Итак, прежде всего мы должны определить, что такое вече, показать отношение его к власти княжеской и потом уяснить причины существования его в Новгороде и отсутствия в Москве». Чрезвычайно интересна и, несомненно, инновационна в этой связи попытка Соловьева представить типологию вечевых традиций Новгорода в виде «троякого рода веча».¹⁵ Она блестяще выполнена на основе синтеза источниковой информации летописей и актов документов. Второй блок задач обращен к характеристике взаимоотношений новгородского веча и призываемого на службу князя, к детализации его функций и полномочий.¹⁶ Третий — возник в связи с необходимостью объяснить «странное двоевластие» в Новгороде посредством обращения к истокам новгородской традиции призвания князей — «первому появлению княжеской власти в Новгороде».¹⁷

¹⁵ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 1.

¹⁶ Там же. С. 2–7.

¹⁷ Там же. С. 7–12. Далее по тексту можно выявить и последующие блоки авторских задач.

Очевидно, особое значение автор придавал завершающей части, резюме магистерской диссертации,¹⁸ создав прообраз заключения к данному виду научного исследования. У него оно начинается блоком вопросов, которые он так или иначе уже поставил и разрешил в своей работе. В качестве итогового ответа на них читателю предлагается краткая концептуальная формула, содержащая версию историка, положенную впоследствии (конечно, в откорректированном виде и с учетом выводов докторской диссертации) в основу знаменитой многотомной «Истории России с древнейших времен». Завершающая часть диссертации характеризует вечевые традиции Великого Новгорода как архаичные на фоне начавшейся ко времени правления Ивана III трансформации родовых отношений в государственные. Поэтому «укрощение» им Новгорода, по мысли историка, объективно являлось необходимой исторической задачей.

Создавая свой диссертационный труд как сугубо научное произведение, Соловьев должен был озаботиться разработкой и демонстрацией научных методов, принципов и аргументов. Обильное цитирование и анализ текстов источников превращаются в ведущий принцип и методологическое оснащение его диссертации. Основной ее текст занимает 99 страниц, к нему сделано более 360 примечаний в виде сносок на источники. Кроме того, историк в конце диссертации предложил читателям «дополнение», т. е. — приложение. Его содержание имеет источниковедческий характер, поскольку автор «для облегчения труда будущим исследователям» создал «сводную Новгородскую грамоту»,¹⁹ сообщив местонахождение текстов договорных грамот, широко используемых в диссертации, опубликованных в различных изданиях. Выборка текстов из актуальных для его исследования источников, сопровождавшаяся специальным блоком примечаний, была подчинена задачам диссертации: она содержала тексты договоров Новгорода с великими князьями, в которых оговаривались условия, определяющие правовые аспекты их взаимоотношений с Новгородом.

Таким образом, опора на сугубо источниковую информацию и целенаправленный ее синтез, представленный как в тексте диссертации, так и в ее источниковедческом приложе-

нии, составляли основу научных принципов диссертации, а также могли служить для современников образцом работы с источниками. Обратим внимание на подзаголовок диссертации — «Историческое исследование». Дело в том, что в первой половине XIX в. в отношении наименования диссертаций еще бытовал термин «рассуждение». Несомненно, подобное обозначение подчеркивало их характер как преимущественно реферативных сочинений и, можно полагать, не устраивало амбициозного соискателя, ориентированного на создание оригинального научного произведения. Использование Соловьевым термина «исследование» по отношению к своей диссертации подкреплялось опорой исключительно на самостоятельную проработку источникового комплекса с позиций анализа и синтеза.

Таким образом, кроме инновационного для своего времени характера самой концепции диссертации (ее мы в данном случае подробно не рассматривали), Соловьев предстает и как новатор в области придания ей научного характера за счет источниковедческой компоненты. Вероятно, именно этот опыт был воспринят его учеником В. О. Ключевским при написании магистерской и докторской диссертаций, а впоследствии он станет отличительной чертой его учеников и последующих поколений дореволюционных московских историков. Для их исследовательского стиля было характерно создание фундаментальных диссертационных трудов, базирующихся на архивных документальных комплексах, положенных в основу авторских концептуальных построений. В диссертационных работах младшего поколения историков московской школы вполне просматривается и сходная с установками С. М. Соловьева мотивационная основа работы над диссертацией. Ее лаконично выразил П. Н. Милуков в пассаже своих воспоминаний о сложных отношениях с В. О. Ключевским в ситуации разработки и защиты своей магистерской диссертации. Отвергнув прагматичное предложение учителя выбрать тему диссертации, которую можно было освоить в более короткие сроки, историк подчеркнул, что сложной, но неизученной и самостоятельно избранной проблематикой он «готовил вклад в науку, открывал новые пути...»²⁰ В этом отношении он — несомненный последователь С. М. Соловьева.

¹⁸ Там же. С. 95–99.

¹⁹ Там же. С. 128–162.

²⁰ Милуков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 107.

В конце XIX — первые десятилетия XX вв. в диссертационных исследованиях и в речах диспутантов уже более явно будет выражена тенденция обеспечения защищаемого труда специальными историографическими и источниковедческими обзорами, формулировкой методологических принципов, введением, заключением, четкой структуризацией материала. К такому роду работ относятся, например, диссертации В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова, Г. В. Вернадского, А. И. Яков-

лева, А. Е. Преснякова. Этот список, конечно, можно продолжить. Являясь лучшими образцами российской диссертационной культуры, они впитали в себя традиции повышенных стандартов, предъявляемых российским научным сообществом к диссертациям как высококлассным научным трудам. Этот опыт становился эталонным для сложного процесса восприятия и возрождения традиций до-революционной диссертационной культуры в условиях ее реставрации в довоенный период советской науки.

Natalia N. Alebras

Doctor of Historical Sciences, Chelyabinsk State University (Russia, Chelyabinsk)

E-mail: *vhist@mail.ru*

DISSERTATION CULTURE AS AN HISTORIOGRAPHIC CONCEPT

In the article the author provides arguments in favor of introducing into the academic discussions context of the notion of “dissertation culture” and the related conceptual constructs such as the “dissertation research status”, and “dissertation history”. The set of concepts is supported with the author's interpretations of the meaning of the introduced terminology and the essence of the defined academic culture phenomena. The material of the publication is based on the study of specifics of the evolution of the Russian historical research in the middle of the 19th — early 20th centuries and the experience in organization of doctoral programs in the Russian universities, specifically qualification papers creation in the form of dissertations together with the further process of their review and public defense.

Key words: *thesis, dissertation history, title of the thesis, dissertation culture, historiography, community of scientists-historians, scientific culture of Russia of the middle of the XIX beginning of the XX centuries*

REFERENCES

- Alebras N. N., Grishina N. V. *Dialog so vremenem: Almanakh intellektualnoy istorii* [Dialogue with Time: Almanac of intellectual history]. Moscow: IVI RAN Publ., 2011, Issue 36, pp. 221–247. (in Russ.).
- Alebras N. N., Grishina N. V. *Rossiyskaya istoriya* (Russian History), 2014, № 2, pp. 77–90. (in Russ.).
- Alebras N. N. *Izvestiya URFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* (Proceedings of the Ural Federal University. Series 2. Humanities), 2012, № 3 (105), pp. 276–286. (in Russ.).
- Bon T. *Russkaya istoricheskaya nauka. Pavel Nikolaevich Milyukov i Moskovskaya shkola* [Russian historical science. Pavel Miliukov and the Moscow school]. St. Petersburg: Olearius Press Publ., 2005, 272 p. (in Russ.).
- Emmons T. *Voprosy istorii* (Questions of history), 1990, № 10, pp. 45–61. (in Russ.).
- Grishina N. V. «*Shkola V. O. Klyuchevskogo*» v istoricheskoy nauke i rossiyskoy kulture [“School V. O. Klyuchevskogo” in historical science and Russian culture]. Chelyabinsk: Entsiklopediya Publ., 2010, 288 p. (in Russ.).
- Grishina N. V. *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik* [World historian: a collection of historiographical]. Omsk: OmGU Publ., 2014, Issue 9, pp. 122–144. (in Russ.).
- Grishina N. V. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* (Herald of Chelyabinsk State University. History), 2013, № 30 (321), pp. 109–113. (in Russ.).
- Ivanov A. Ye. *Uchenye stepeni v Rossiyskoy imperii. XVIII v. — 1917 g.* [Graduate degrees in the Russian Empire. XVIII century — 1917]. Moscow: IRI RAN Publ., 1994, 198 p. (in Russ.).
- Korzun V. P. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* (Herald of Chelyabinsk State University. History), 2012, Issue 51, pp. 99–109. (in Russ.).
- Korzun V. P., Sidoryakina T. A. *Kulturologicheskie issledovaniya v Sibiri* (Cultural studies in Siberia). Omsk, 2009, № 1 (27), pp. 67–75. (in Russ.).